

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Сазочник

16+

Джавид Алакбарли

Сказочник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67564322

SelfPub; 2022

Аннотация

Как известно, сказочники пишут сказки. А наш сказочник рисовал картины и называл их сказками. Он напоминал своим обликом древнего суфия, открывшего дверь из средневековья в день сегодняшний. А ещё он любил литературу, крепкие сигареты и хорошо заваренный чай. Знал цену мужской дружбе и хорошим поэтическим строкам. Словом, жил среди людей, не переставая быть сказочником. А ещё здесь описана та необычная процедура похорон поэта Алиади Вахида, которая действительно состоялась в 1965 году в городе Баку. Художника и поэта связывала крепкая дружба. Как это обычно и бывает в таких историях, здесь нет имён. Есть лишь канва событий. Имена просто угадываются. В этом образе сказочника сразу же узнаётся художник Саттар Бахлулзаде.

Джавид Алакбарли

Сказочник

Он был сказочником. Настоящим сказочником. Все же знают, что такому нельзя научиться. Сказочником надо просто родиться. Ну и к тому же ещё надо осознать то, что этот дар у тебя есть. А потом принять его как некую, возложенную на тебя самой судьбой, ношу. И уже как следствие всего этого подчинить всю свою жизнь, равно как и каждый миг своего существования на земле, этой великой миссии. Иначе, какой же ты сказочник?!

Конечно, надо сразу признаться, что он всё же был не совсем обычным сказочником. Ведь они, как правило, выстраивают все свои сказочные фантазии с помощью слов. Разных и всяких. Умеют крепко связывать их узлом в начале сказки и развязывать все эти хитросплетения уже в самом её конце. А он же свои сказки облекал не в слова, а в краски. Это были краски всех цветов радуги, выплеснутые на холст мощной силой его неистового воображения. То, что у него получалось в результате, всех безмерно удивляло, поражало и даже порой шокировало. Во всех этих работах, безусловно, чувствовалась сполна именно та самая сказочная магия, без которой нет и не может быть настоящей сказки. Недаром одно из самых известных его полотен так и называлось «Азербайджанская сказка». С первой же встречи люди, как правило,

воспринимали его как удивительное существо, неожиданно появившееся из какой-то ещё никому не известной сказки. Он запоминался сразу. Раз и навсегда. Врезался в память таким ярким, поражающим воображение и постоянно будоражающим все чувства и эмоции сказочным персонажем. Человек, хоть раз увидевший его, на всю жизнь запоминал этот удивительный образ как некое мифическое существо.

У него были зелёные глаза, кожа цвета оливкового масла и очень длинные волосы. Он утверждал, что за всю свою жизнь он стриг их всего два раза. И он не очень любил рассказывать об этом. Но все знали, что как-то один из лучших скульпторов того времени пригласил его к себе в мастерскую. Хотел вылепить его бюст. Тогда он и задумал отнять у него самую главную фишку задуманной работы. Был уверен, что если он появится в таком вот обчехрыженном виде, то скульптор сразу откажется от своего замысла. А может быть где-то, в глубине души, он просто не хотел быть в центре внимания. Не желал того, чтобы потом остаться в памяти всех именно таким, каким его соизволит изобразить этот, безусловно, талантливый мастер. Он знал по опыту, что самый лёгкий путь для создания его образа заключался в том, чтобы изобразить его развивающиеся по ветру длинные волосы, невероятной формы пальцы и фантастическую худобу его тела. Он посмеивался, предвкушая, как скульптор отреагирует на тот сюрприз, который он ему уготовил. Ведь он постригся почти наголо. Пакость, конечно же, была задумана изрядная. Но она

не совсем удалась. Его подвёл собственный череп. Вернее, его форма. Да и этот скульптор всё же был хорошим, крепким профессионалом.

Бюст получился. Но при этом всё же в этом творении скульптора он гораздо больше напоминал Махатму Ганди. Намного больше, чем самого себя. Это же был всего лишь бюст. Значит, в этом случае и пальцы, и тело аскета не могли быть отражены сполна в создаваемом образе. А волос он лишил себя сам.

Словом, это был он, но в то же время и не он. В конечном итоге, всё же ему бюст понравился. Он неожиданно, каким-то невероятным образом, открывал новую грань его облика. Спустя годы, любой человек, кинувший хотя бы мимолётный взгляд на этот бюст, тут же узнавал его, хотя и произносил столь знакомую ему фразу:

– Надо же, вот уж и не представлял себе, что он может быть таким!

Фраза стала знаковой именно в силу того, что её почему-то произносили все, едва лишь взглянув в музее на этот бюст.

Спустя годы, другой скульптор создаст его образ, ставший классикой жанра. Этот памятник поставят на его могиле, в родном селе. Там уже будут и развевающиеся волосы, и длинные пальцы, и высушенный годами и разными всякими испытаниями судьбы образ суфия. Он будет опираться на

ещё не написанную картину. Приглашение для всех тех, кто когда-нибудь захочет отразить на холсте образ той страны, которую он так любил воспевать на своих полотнах, каждый раз преображая обыденное, повседневное, рутинное течение её жизни в новую сказку.

У всех, с кем он встречался в этой жизни, оставалось такое ощущение, что он каким-то чудом сумел открыть дверь из средневековья и сразу же оказался рядом с нами, в декорациях сегодняшнего дня. Простой, обычный, неприметный суфий, невероятным образом переместившийся из прошлого в реалии современного города. Даже его одежда, порой напоминающая одеяния рабочих с бакинских заводов того времени, часто будет выглядеть как роба человека пути. Никто не понимал того, почему он всё лето носит эти лёгкие сатиновые пиджаки. Многие пытались объяснить это. Каждый по-разному, но звучало не очень убедительно. С одной стороны, это связывали с тем, что всё-таки эти пиджаки были очень практичны. А с другой стороны, это, конечно же, была одна из форм мимикрии. Так он пытался скрыть свою непохожесть. Создать впечатление, что он точно такой же, как все остальные. Удавалось. Правда, не всегда. Но иногда людям всё же начинало казаться, что он просто обычный человек. Такой же, как мы.

Он время от времени ездил из Баку в дальние и ближние сёла. Как правило, это происходило тогда, когда появлялось желание создать новую сказку. Он мог уехать в любое время

года, кроме зимы. Зиму он не любил. Хотя кто-то и считает, что в Азербайджане зима – это и не зима, а просто затянувшаяся осень. Но сам он чётко отличал свой зимний настрой от осеннего, летнего и весеннего. Словом, его желание «сочинить» новую сказку приходило к нему весной и исчезало осенью. А может быть, таков был календарь любого сказочника? Да, сказки можно рассказывать и зимой. Но создавать? Нет, конечно. Видимо, любому творению души человеческой надо было пройти непростой путь всего живого: зацвести весной, набираться соков земли летом и дать урожай осенью.

Со временем у него выработался привычный ритуал, когда он приезжал в очередной райцентр и вместе со своими холстами и мольбертом вышагивал расстояние, отделяющее автовокзал от ближайшей чайханы. Иногда, правда, случалось и так, что его подвозили прямо к дому чая. Там он первым делом выпивал целый чайник свежесваренного чая. Пил с чувством, с толком, с расстановкой. Не спеша. Не портил вкус чая ничем. Разве что после третьего или четвёртого стакана-армуду позволял себе положить в рот маленький кусочек колотого сахара.

Через час-другой после такого чаепития он уже был в курсе всех местных новостей. Ведь всё то время, пока он пил чай, чайханщик говорил. Не переставая. Старался заполнить всё его время разными и всякими словами. Но время и слово

порой не очень-то хотят дружить. Вот и в рассказах чайханщика они пребывали как две разделённые сущности. Время было само по себе, а слова – сами по себе. Не перемешивались. Ну, как нефть и вода. Это было нормальным явлением. Таким же привычным, как и то, что спустя пару часов вездесущие сельские мальчишки, забрав его мольберт и холсты, уже провожали его на постой в один из домов этой деревни.

Он прекрасно знал, что в каждом сельском доме есть, так называемая, «гостевая комната». Она может очень и очень долго оставаться закрытой, дожидаясь того, чтобы некий гость переступил порог этого дома. Остальные жильцы могут спать по несколько человек в комнате, но никому не дано права заселяться в гостевой. Обитатели дома могут готовить порой на открытом воздухе, не имея зимней кухни, спать на крытой веранде или на крыше дома. Но они никогда и ни за что не будут использовать в повседневной жизни для себя и своих домочадцев гостевую комнату. Там всегда бывает собрано всё то самое лучшее, что предназначалось тому дорогому гостю, который когда-нибудь, может, и придёт.

Это звучит почти как отрывок из театра абсурда, хотя, конечно же, феномен «В ожидании Годо» этим сельским жителям ни о чём и не говорит. Да ещё почему-то никто и никогда как-то внятно не сможет объяснить вам истоки такого порядка. Иногда будут лишь комментировать всё это как сложившуюся традицию и просто говорить о том, что так уж повелось с самых далёких времён Великого шёлкового пути.

Да, пожалуй, ещё будут гордиться тем, что с тех пор этот порядок оставался неизблемым на протяжении многих веков. Но чаще всего будут просто разводить руками и посмеиваться над тем, что они об этом ничего не знают. Однако, при этом, неизблемым фактом будет оставаться то, что в селе не было такого человека, в доме которого не было бы «гостевой комнаты». И какой бы бедной ни была семья, если она не хочет ощущать себя вне системы сложившегося порядка, то она обязана иметь такую комнату.

Как правило, художник стеснялся всей этой помпезности, которая была присуща всему ритуалу проживания в гостевой комнате. Уже на следующий день он сбегал из неё и находил себе более подходящее пристанище для ночлега и работы. Просто не любил быть в центре внимания. А ещё ему нравилось засыпать, вглядываясь в яркое ночное небо, усыпанное звёздами. Словом, спать не под крышей дома, а там, где ощущается всё беспредельное волшебство летней ночи, было ему намного приятнее.

Вокруг него всегда толпились целые ватаги мальчишек. Тех тянуло к нему, как магнитом. Видимо, они интуитивно понимали, что он совсем не такой человек, как все остальные вокруг. Дети ведь чувствуют это лучше всех. Один из этих мальчишек, уже став взрослым человеком, проведёт с ним последние дни существования этого сказочника на нашей земле. Будет рядом с ним в больнице, стараясь разрешить все его нелёгкие проблемы. Так ничем помочь и не

сможет. Всего лишь закроет ему глаза и постарается не плакать. А потом повезёт этот столь тяжкий груз из Москвы в Баку, вспоминая те дни, когда этот прекрасный человек был полон сил и энергии. А он, маленький мальчишка, воспринимал его как волшебника и чародея.

Взрослые ещё не раз будут пытаться утихомирить детвору, объясняя им, что они мешают художнику. А потом они, как правило, начнут проникаться пониманием того, что когда художник работает, то он никого не слышит и ничего не видит. Уходит в себя. Окружающий его мир исчезает. А художник остаётся со своими холстами один на один и разговаривает с ними. Настраивается на волну той сказки, которую он будет сочинять.

Он очень мало ел. И был, вообще, не притязателен в быту. Курил самые дешёвые сигареты. Много курил. Мог иногда позволить себе косяк. Это если его любимый друг-поэт вдруг угощал его. Особенного кайфа он от этого не испытывал. Но и не отказывался. Не мог отказать другу в том, чтобы составить тому компанию. Поэт имел кожу почти такого же цвета, как и у него. А ещё лицо, покрытое глубокими морщинами и оспинками. И хриплый от курения голос. Когда он читал ему свои стихи, то они вдвоём напоминали диковинные персонажи средневекового собрания поэтов. А ещё его друг-поэт называл себя наследником великого Физули. И он соглашался с этим.

Собственно говоря, они оба обожали Физули. В его поэзии они купались, как в море мудрости. Она их очищала, просветляла и дарила такой кайф, который не мог подарить никакой косяк. От каких-то строк у них захватывало дух, другие поражали мелодией своего звучания, а от некоторых становилось настолько хорошо, что, казалось, ты уже покинул этот мир и просто пребываешь в раю.

А ещё они подшучивали над тем, что молодёжь никак не могла понять того, как, родившийся в далёкой Кербеле, поэт может считаться классиком азербайджанской поэзии. Но это была молодёжь, которая выросла уже в советское время. Как ей объяснишь всё это, когда она со школьных лет зубрила стихи о том, что, вопреки всем законам географии и астрономии, для Азербайджана солнце взошло не с Востока, а с Севера. Что именно с Севера пришли великие идеи, сделавшие счастливыми всех тех, кто жил на окраине империи в так называемой «тюрьме народов». Откуда было им знать, что когда-то существовал огромный ареал, где обитали различные тюркские племена? Единый ареал.

Не помнили они и о том периоде своей истории, когда караваны перевозили не только товары и людей, но и обеспечивали ту передачу знаний и информации, которая формировала литературу, абсолютно не похожую на произведения сегодняшнего дня. Весь этот период истории был уже предан забвению. И никто из молодых людей и не догадывался о том, что в той литературе прошлых веков тюркский язык

прекрасно мог соседствовать и с арабским, и с персидским, перемешивая их словарный запас самым причудливым образом.

А литература сегодняшнего дня была проста и понятна всем. В ней господствовали ашугские мотивы. Ни он, ни его друг-поэт лично ничего не имели против ашугов. Когда-то в 30-е годы ашуги были в составе самых активных отрядов советского агитпрома. Они пели бодрые песни про лампочки Ильича, про колхозы, да и вообще, про людей, с радостью на лицах и песнями на устах, идущих к столь неизбежному и так желанному для всех живущих на земле людей коммунизму. Те ашуги носили гимнастёрки и брюки-галифе. А ещё почти у всех них были усы, являющиеся точной копией самых известных усов двадцатого века. Тех, что увековечивали в парадных портретах той эпохи. Усов, сумевших стать таким знаковым явлением, что даже сам великий Пикассо не обошёл их в своём творчестве.

А, может, молодёжь и не была виновата в том, что она не понимала Физули. Её просто никто этому никогда не учил. Так же как и не учил испытывать чувства соучастия и сопереживания. Этот великий поэт жил и творил в эпоху, когда нормой жизни для образованного человека в их регионе являлось существование в стихии трёх языков. В то время каждый был обязан знать арабский. Ведь, как правило, он, как и все живущие здесь, был правоверным мусульманином.

А усвоение арабского и Корана, равно как и знание о том, что солнце появляется на Востоке и уходит на Запад, являлось частью образования. А ещё в этих местах хорошо знали и персидский.

Вот таким образом азербайджанский, арабский и персидский, переплетаясь, создавали какой-то чрезвычайно притягательный поэтический микс, позволяющий таким гениям, как Физули, создавать подлинные шедевры. Они, порой, даже не замечали, как и каким образом они перемещались из поля господства одного языка в мир другого. Для поэтов же считалось нормой иметь целые диваны стихов на арабском, персидском и тюркском. Диваном они называли сборники стихов. Это было задолго до того, как слово «диван» стало означать предмет мебели.

Потом реалии советского времени, с его воинствующим атеизмом и ленинскими установками, являющимися упрощением всего и вся на белом свете, изничтожили всё это. На смену арабской вязи и латинице пришла кириллица. Переходу на кириллицу радовалось множество людей. Они были глубоко убеждены в том, что теперь будет настолько легко научиться читать и писать, что скоро наступит эпоха тотальной грамотности. Действительно, успехи претворённой в жизнь культурной революции были просто ошеломительны. Казалось, что всё было просто замечательно.

Но, тем не менее, он вместе со своим другом продол-

жал писать арабской вязью. Здесь же, фактически, половину букв не надо было выписывать. В письме отражались только согласные. Именно это позволяло всем представителям тюркских языков легко понимать всё то, что написано как в древних рукописях, так и в сегодняшних газетах. Кириллица не позволяла сохранять такие особенности. Она сковывала язык жёсткой конструкцией. Созданные в те же годы официальные грамматики различных тюркских языков ещё больше углубили различия между родственными языками.

Хуже всех поступили турки. Они ухитрились после перехода на латиницу за несколько лет вообще выкинуть из обихода множество арабских и персидских слов. Всё это насилие над языком привело к тому, что начали печататься специальные словари арабских и персидских слов, позволяющие понимать поэзию прошлых веков. Конечно же, исключительно для тех, кому эта поэзия была интересна.

Вот и получилось, что целый пласт истории был просто забыт. Нормой стало двуязычие: азербайджанский и русский. Кроме своего родного языка, азербайджанцы уже изучали русский. Хоть и не все могли прилично на нём изъясняться, но всё же понимали его. Но было и немало тех людей, которые ухитрились писать какие-то произведения на русском языке, внося в литературу этого великого и могучего языка свои колоритные, пряные, восточные нотки.

Его друг любил вспоминать те времена, когда в Мардакянах долго гостил известный русский поэт. Он иногда бывал

на разных всяких поэтических сборищах местных поэтов. И всё спрашивал о том, что же означают эти, так прекрасно звучащие строки. Ему же, как правило, отвечали:

– Ну, о чём же могут быть стихи? О любви, конечно.

А ещё молодёжь не любила мугам. Как же она могла его любить, если она его не понимала и не чувствовала. Мугам был тесно связан с поэзией. Под него нельзя было петь и плясать. Он не был пронизан весельем. Может быть, потому и не был востребован. Мугам – это всегда сложно. Душа должна быть в гармонии с рассудком. А ещё она должна быть готова к тому, чтобы излить в этих прекрасных звуках всё то, что её печалит и тревожит. Но разве в столь сумасшедшие времена такое возможно?

В отличие от него, поэт был женат. Даже дважды. У его теперешней жены было очень странно звучащее имя: Шарабаны. Но это никак не было связано со знаменитой песенкой про шарабан-американку и девочку-шарлатанку. Просто таким образом простонародный говор искажил её настоящее имя, звучащее, как «Шахрибану» – госпожа города.

Жена же поэта, со столь необычным именем, не уставала поражаться тому, что вроде бы такой обычный человек, как её муж, умеет создавать в своих стихах столь прекрасные женские образы. Она была так далека от всего того, чем были пронизаны мысли и чувства её мужа, что попросту считала, что всё это являлось поэту в его наркотических видениях.

Ведь она жила в реальном мире, где на нищенскую зарплату поэта, гордо именуемого в зарплатной ведомости «литературным работником», надо было прокормить семью. Она и кормила. А он обитал в мире грёз и мечтаний, где в табачном дыму ему так чётко виделись контуры тех прекрасных див, которых он не уставал воспевать.

Наш сказочник никогда не был женат. Многие считали, что вся бурлящая в нём могучая энергетика уходит в творчество. Может быть, когда-то, в далёкой молодости, ему и нравились женщины. И он им, безусловно, тоже нравился. Все знали, что ему довелось в молодости пережить такую страсть, которая сжигает человека дотла. Остаётся лишь пепел, от терпкой горечи которого не удаётся избавиться до конца жизни. Так и было с ним. Недаром же его за глаза так любили называть Меджнуном.

Но все эти чувства и эмоции, связанные с миром женщин, оставались в далёком прошлом. Сейчас же он говорил, что за всю свою жизнь он так и не смог ни понять их, ни постичь того, что же такое женская душа. Именно поэтому он и предпочитает держаться от всех женщин как можно дальше. Это был его сознательный выбор. Так жизнь становилась намного проще. А он и рад был этому.

Но вместе с тем он казался всем окружающим именно тем мудрецом, который способен завязывать или развязы-

вать все любовные узлы и разрешать проблемы любого любовного треугольника. Ведь он же был сказочником. А какая же это сказка без любви?

Ни его мастерская в доме художников, ни его дом в апшеронском селе никогда не закрывались ни на какие замки. К нему запросто, в любое время дня и ночи, могли приходиться люди. Все знали, что он зачастую бодрствует и ночью. Если он не спал, он всегда мог составить им компанию. А если же он спал, то его постоянные гости знали, где находится чай и где лежат сигареты. Этот чисто мужской ритуал курения и распивания чая приобретал в стенах его жилища почти сакральное значение. Независимо от того, участвовал он в этом лично или нет, сама аура его дома создавала у людей неведомый им ранее настрой души.

Когда к нему кто-то заходил, он порой даже не отходил от своего мольберта и не произносил ни единого слова. Лишь кивал гостю. Тот мог прикурить сигарету из его пачки или же принести свою, налить себе чаю из только что заваренного чайника или же заварить новый. Неважно, что и как происходило в этой мастерской. В самой её атмосфере витала та магия общения, для растворения в которой не нужны были какие-нибудь слова. Как правило, покидающий через несколько часов его обитель человек был уверен, что они прекрасно пообщались. Даже если за всё это время не прозвучало ни единого слова.

Но иногда ему, всё-таки, приходилось выслушивать целые

исповеди. Как это ни странно, это были откровения влюблённых юношей. Художники – вообще-то, очень влюбчивый народ. Они влюбляются в своих натурщиц, в соседок или просто в красивых девушек, мельком встреченных ими на улицах, в автобусе или в метро. Один небрежный поворот головы, магический взмах длинных ресниц или лёгкое очарование в походке прекрасной девушки могли пробудить в художнике целый ураган чувств и эмоций. Достаточно было каких-то мелких деталей, цепляющих за душу творческого человека. Всё остальное дорисовывало воображение.

Но как же трудно было художнику стать счастливым человеком. Любому художнику. Если он настоящий. Как правило, люди, наделённые талантом, в жизни бывают абсолютно беспомощны. Они как дети. Не добытчики. Не охотники. Не собственники. От них невозможно ждать твёрдых заработков и умения содержать свою семью. Среди настоящих художников нет и не может быть хороших мужей. В обыденном, привычном, устоявшемся понимании такого словосочетания, как «хороший муж».

Красивые девушки как-то сразу это понимали. Они принимали самые правильные, с точки зрения рациональных подходов, решения и после бурных романов, как правило, бросали своих избранников, осознавая, что если они останутся, то у них будет немало соперниц в виде холстов, мольбертов, красок. Они просто не желали пребывать на втором плане. В результате молодые и не очень молодые художники

впадали в депрессию. Он иногда пытался склеивать их разбитые сердца. Получалось плохо. Ведь все знают, что сказочники – плохие целители.

В те годы у художников было несколько способов зарабатывать хорошие деньги. Два раза в год проходили роскошные парады и демонстрации. К ним надо было нарисовать какие-то лозунги, портреты руководителей страны, оформлять трибуны и улицы города. Все те, кто считал себя настоящим художником, как правило, брезговали этой работой. А ещё были колхозные клубы, дома культуры, районные музеи. Для всех этих структур нужны были портреты радостных рабочих и счастливых колхозниц. Словом, тех, кто самоотверженно строит в этой стране коммунизм.

Он прекрасно понимал, почему к такой работе художники относились плохо. Вернее, свысока. Называли её халтурой. Словом, деньги приносит, но кайфа не дарует. Однако, выбор был невелик. Либо преданность таланту и искусству, либо работа, дающая достаток, но лишаящая тебя самоуважения. Сам он, ещё в далёкой молодости, избрал аскетический образ жизни, гарантирующий его вечное служение своей Музе. И чувствовал себя свободным. Как птица в небесах. Как бакинский ветер. Как огонь и вода. Как настоящий сказочник, который всегда может спрятаться в своём вымышленном мире, спасаясь от суровой реальности.

Новруз он обычно отмечал в родном селе. Это было такое типичное бакинское село со своими узкими улочками, неказистыми домами, с мечетью, превращённой в склад, своими порядками и устоями. Праздник здесь всегда отмечали с особой любовью. Убирались, готовясь к приходу весны, избавлялись от старых вещей и хлама, шили обновки, готовили традиционные сладости, жгли костры и от всей души приветствовали Новруз как день весеннего равноденствия. Он с самого детства обожал наблюдать за всеми этими атрибутами Новруза. Как правило, здесь всегда находились люди, которые брали на себя обязанность исполнять роль главных шутов и создавать фантастическую атмосферу этого праздника. Было весело. Его же больше всего радовало то богатство красок, который вдруг выявлял Новруз. И трава была зеленее, чем обычно, и небо было голубее... Если бы кто-нибудь его спросил о том, что же является первоосновой, исходной точкой его творчества, то он бы произнёс единственное слово:

– Новруз.

Именно Новруз с самой юности сформировал всю палитру его красок. Ведь именно в дни этого праздника ярко выступает вся та необычная сущность самых обычных предметов быта. Ковры, различные женские поделки, яйца, выкрашенные во все цвета радуги, пламя костров, яркие обновки создают такое буйное смешение красок, которые никто и никогда не может создать вне этого праздника. Он прекрасно

понимал, что традиции Новруза, сохраняясь и обогащаясь от века к веку, формировали тот удивительный калейдоскоп цветов, вкусов, запахов, образов, что всегда так поражал его. Но, тем не менее, в каждый Новруз не переставал удивляться всему этому, как ребёнок.

Как правило, сразу же после окончания праздника он уезжал на этюды. Заранее знал, куда поедет и по какому маршруту он пройдёт. Собственно говоря, каждый год схема была одна и та же. Менялась лишь география. Он заранее готовил краски, мольберт, холсты и отправлялся в путь, изрядно нагруженный всем тем, что ему было необходимо на все эти летние месяцы. Не любил автобусы. Обычно заранее договаривался с какой-нибудь попуткой, которая ехала в выбранный им район. Шофёр вначале выгружал всё его имущество и высаживал его самого в райцентре. Если повезёт, то прямо у чайханы. А дальше всё складывалось так, как складывалось. Ведь чайхана – это такой веками сложившийся мужской клуб, в котором, хотите этого вы или нет, но оказываетесь в центре всех событий данного местечка.

Иногда он предпочитал сразу поехать в самое дальнее село, а уже оттуда двигаться к центру. Это уже как сложится. Он не мог сразу увезти с собой столько холстов, сколько ему было нужно. Как правило, за лето к чайханщику ещё несколько раз будут подвозить холсты для него. Тот всегда будет знать то, в какой именно деревне он сейчас находится, нужны ли ему холсты именно сейчас или пока их можно

не везти. Он всегда будет посмеиваться над этой цыганской почтой чайханщиков, которые всегда и всё знают. Именно поэтому он не любил деревни, в которых не было чайханы. В них он старался не останавливаться. Вот и сейчас, после традиционного ритуала чаепития, отчёта чайханщика о том, что же приключилось в районе со времени их последней встречи, он и тронулся в путь.

Ему нашли удобную машину, посадили его в этот выдавший виды грузовик, и он уехал. Когда он добрался до конечной точки, то уже новый чайханщик поприветствовал его и повёл на ночлег. Он не любил ночевать в домах. Предпочитал сон на свежем воздухе в тени какого-нибудь векового платана. Но тем не менее, в этот первый день он поселился именно в доме чайханщика. Перед тем как лечь спать, они с ним раскурили пару сигарет и долго вновь рассуждали на тему о том, что такое комната гостя в каждом азербайджанском доме.

Рано утром же пришла печальная весть. Позвонили в сельсовет. И по единственному телефону, функционирующему здесь, сообщили, что его друг-поэт умер. Похороны пройдут сегодня же, ближе к вечеру. Как хорошо, что он внял просьбам чайханщика и не уехал в выбранное им заранее дальнейшее село. Забросив все свои холсты здесь, он тут же уселся в кабину грузовика и тронулся в путь. Успел. И сразу же присоединился к похоронной процессии. Зашагал вместе со всеми.

Многолюдная процессия почитателей поэта шла через весь город и на своих плечах несла его к аллее Почётного захоронения. А там похоронить человека можно было лишь с разрешения партии и правительства. Но никакого такого решения не было и не могло быть, в принципе. Ведь официоз не счёл нужным дать этому поэту звание народного. Однако, все эти люди, что несли его на своих плечах, считали, что этот поэт вполне заслуживает того, чтобы быть похороненным именно там. Рядом с признанными корифеями азербайджанской культуры. Властям была лишь послана весточка:

– Готовьте могилу, открывайте ворота. Мы уже идём и несём на своих плечах Единственного.

Именно так – «Единственный» переводился псевдоним этого поэта. Он многих узнавал среди тех, кто шёл через весь город, провожая в последний путь его друга. И поражался тому уважению и почёту, которое бытовало среди простых людей его родного города к Слову. Это была не просто толпа, идущая за гробом. Это были истинные почитатели поэзии. На протяжении всего этого долгого пути звучали стихи. Он не застал того момента, когда всё это началось. Но присоединившись к процессии, он увидел, что когда кто-то в этом шествии за гробом начинал читать газели, то эти слова подхватывали все. И когда стих завершался, через несколько рядов, в начале, в середине или даже в конце процессии уже начи-

нал звучать новый. Это были настоящие поэтические поминки. Ритм и мелодия стихов задавали темп движения и определяли настрой всех тех, кто шёл за гробом. Прежде всего, это было желание почтить память поэта его же словом. Он шёл внутри этой процессии и думал о том, что его искусство живописца слишком условно, чтобы обладать силой такого воздействия на людей. А магии воздействия стихов своего друга поэта на каждого участника этой похоронной процессии он просто поражался.

Когда они дошли до кладбища, должна была начаться стандартная процедура похорон. Её властным жестом остановил один из лучших исполнителей мугама. Без всякого сопровождения, а капелла, он начал петь мугам. Ведь всем известно, что жители этой страны обычно плачут под мелодию сегяха и смеются под звуки шахназа. Певец исполнил сегях на самые знаменитые стихи Единственного. Когда он кончил петь, несколько минут стояла тягостная гробовая тишина.

Потом заговорил один из самых уважаемых жителей селения, где так любил выступать любимый ими поэт. Это были такие поэтические состязания, которые именуются мейхана. Вообще-то, слово это означает «дом вина». Как-то априори предполагается, что выдавать столь волшебные поэтические строки, как в «мейхана» в стиле стихийной импровизации, невозможно без воздействия вина. Ну, или чего-то другого, обеспечивающего тот транс, без которого нет такого таинственного погружения в стихию стиха. Этому старику было

очень много лет. Гораздо больше, чем поэту, который покинул этот мир. Он счёл своим долгом объяснить всем, кого же сегодня хоронят.

– Мы сегодня хороним мейхану. Как жанр, как искусство, как данный нам Богом дар, позволяющий ощущать Слово живым. Это великое искусство. Ты, наш Единственный! Независимо от того исполнял ли ты мейхану на наших свадьбах, в вагонах электрички или у себя на даче, в окружении своих учеников, у тебя она всегда получалась, как настоящий шедевр. Это ты создавал эти неподражаемые рифмы. Это ты мгновенно умел находить именно то единственное слово, которое так прекрасно ложилось в строку. Это ты сумел привить новым поколениям любовь к этому чуду импровизации. Спасибо тебе за это.

И ещё, ты наш Единственный, прости всех нас. Ведь мы так и не смогли дать тебе достойного ученика. Ученика, чей талант был бы соразмерен твоему. Мы осознаём, что если после Великого мастера не остаётся достойного ученика, то в этом виноват весь народ. И каждый из нас сполна ощущает эту вину. Да, у тебя есть ученики. Их немало. Но ни один из них не может даже приблизиться к той вершине, на которой стоял ты. Кто знает, может быть такова была воля небес. Может быть, именно согласно ей ты так и останешься в нашей памяти, в наших сердцах, в наших душах, как Единственный. Единственный, стоящий на вершине столь любимого нами искусства. Единственный, кто владел самыми заветны-

ми ключами от всех наших сердец. Единственный, кто умел радовать и печалить нас. Спасибо тебе за всё это. Покойся с миром.

А потом, вдруг, заговорил какой-то непонятный человек в костюме. Видимо, это был кто-то из университетских профессоров. Он всё плакал и никак не мог успокоиться. Окружающие понять этого никак не могли. Они-то с молоком матери впитали в себя твёрдую уверенность, что мужчины не плачут. А этот плакал. Но ему это всё же простили. Ведь он сумел всего предельно чётко выразить то, что чувствовал каждый из них. И, видимо, хорошо знал творчество покойного поэта.

– Ты себя называл наследником великого Физули. Так оно и было. Через пять веков ты забрал у него эту эстафету Слова. Сегодня ты ушёл от нас, оставив нас сиротами. А ещё и нищими. Ведь народ жив языком. Без его чудодейственной силы он превращается просто в толпу. Сегодня мы стали толпой нищих сирот. Покойся с миром. Но знай, что вместе с тобой мы хороним азербайджанскую поэзию. Никто уже и никогда не будет писать столь прекрасных стихов в ритме аруза. Никто не будет вступать в поэтические состязания с великими мастерами прошлых веков. И никто не сможет быть тем Единственным, каким ты был для нас. Прощай и прости всех нас.

Уверен, что в лучшем из миров тебя уже ждут те, кто достоин вступить с тобой в новое поэтическое состязание. Да

прибудет Всевышний с тобой. Да не забудет он и о нас. Может быть, нам повезёт и уже при нашей жизни родится тот, кто будет знать истинную цену настоящего Слова. И сможет взвалить на свои плечи всю тяжесть груза, который лежал на тебе. Кто же знает, когда родится человек, который по праву сможет называться твоим поэтическим наследником. Нам остаётся лишь верить в то, что это будет. Рано или поздно, но обязательно будет.

Огромная толпа, заполонившая всё кладбище, услышала каждое слово, произнесённое над могилой великого поэта. Без всяких микрофонов и усилителей.

Все те, кто стоял в нескольких шагах от могилы и мог отчётливо слышать каждое слово, произнесённое над ней, повторяли слова выступающих подобно тому, как это делает эхо. Вслед за ними это делали те, кто стоял в следующем ряду. Именно поэтому вплоть до самого последнего ряда донеслось каждое слово прощания. Потом была стандартная процедура похорон. Но народ всё не расходился. Художник ушёл с кладбища одним из последних. Дошёл пешком до автовокзала, нашёл попутку до своего райцентра и уехал.

Ему как художнику не совсем повезло с искусствоведами. Они всё время пытались его классифицировать. Его называли порой пуантилистом и пытались доказать, что всё его искусство просто вторично и является всего лишь слабым

подобием работ французских художников. Кто-то пытался трактовать его творчество как производное от русского авангарда. Кому-то же из этих исследователей казалось, что многие его картины напоминают о средневековой школе миниатюры. Он им в ответ лишь улыбался. Он был всего лишь художником. Художником, который рисует то, что видит, и так, как он это видит.

В мире слов он ощущал себя растерянным и даже потерянным. В мире слов ему было хорошо только тогда, когда слова подчинялись чётким канонам поэзии. Тогда в них появлялась магия. А ведь, по-существу, именно её он и пытался создавать на своих полотнах. Но это уже была не магия слов. То магическое сочетание красок, которое воспринимается как сказка, всегда удивляло тех, кто пытался понять его живопись. А её не надо было понимать. Просто надо было смотреть на всё это, не раздумывая на тему о том, на что же это похоже. Ну, на что может быть похожа сказка?

Он обожал дарить свои картины. Когда их накапливалось больше десяти в его мастерской, ему тут же начинало казаться, что он становится никому не нужным и совсем не интересным художником. Ведь он просто привык к тому, что уже законченные работы надо обязательно дарить. Потом почему-то к нему повадились ходить некоторые партийные чиновники. По их лицам он чётко понимал, что его картины

им очень нравятся. Они покупали их. Зная его характер, никогда напрямую не давали ему денег. Просто оставляли их в мастерской. Он же, находя эти деньги, смилив свою гордость, забирал их. Покупал новые холсты, краски и кисти. Вновь и вновь рисовал.

А ещё он обожал дарить свои картины тем людям, которые ему просто нравились. Он не знал ни их имен, ни профессии, ни того, где они жили и чем зарабатывали на хлеб. Ведь дверь же в его мастерскую никогда не закрывалась. Те, кто приходили, приносили хороший чай и самые дешёвые сигареты. Ведь они знали, что он никакие другие, кроме этих, таких крепких и забористых, предназначенных для рабочего люда, не курит. Уходили они от него осчастливленные. Искренне радовались тому, что видели, может быть последнего из суфиев на этой земле. Видели настоящее чудо природы во плоти и крови. От всего того, что они видели в его мастерской, они поневоле сами становились немножко другими. А ещё они уносили его картины. Как память о нём.

А порой бывало так, что люди отказывались брать у него картины. Он же обожал полотна больших размеров. Возвращаясь с этюдов, он каждый раз переносил всё то, что было отражено в них, на большие холсты. Он не любил сдерживать полёт своей кисти. А для того, чтобы она летала, ему нужны были порой просто холсты огромных размеров. Вот и говорили иногда те, кого он хотел обрадовать своим подарком:

– Спасибо, спасибо, спасибо. Но нет! Мне некуда это по-

весить! Ну, нет у меня в моей хрущёвке такой большой пустой стены.

Когда художника не стало, выяснилось, что в различных художественных фондах и музеях, всё же, не очень много его работ. Он не очень любил все эти процедуры отбора картин, в результате которых государство покупало ту или иную работу. Если покупали – радовался, если отклоняли – не огорчался.

Ему очень не повезло, что какой-то его поклонник решил создать в его родном селе музей художника. Этот человек бывал, видимо, во многих музеях мира, но так и не понял, что же такое настоящий музей. Это было видно уже по тому, что он ухитрился повесить в этом, так называемом, музее копии его работ. Это были даже не те копии, которые создаются другими с работ большого мастера, а просто принты различных работ. Люди обычно приходят в домамузеи, чтобы понять, что такое «гений места». Тех предметов, которые окружали сказочника когда-то при жизни, в этом музее просто не было. Лишь железная кровать немножко напоминала ту, на которой когда-то спал художник. Словом, весь этот музей был, фактически, неким антимузеем.

Но бедному художнику не повезло не только с музеем. По мере того, как росла его слава, появилось огромное количество людей, желающих приобрести его работы. Равно, как и

немало художников, дельцов, да и просто шарлатанов, торгующих его работами. Отличить подделку от оригинала несведущим людям было очень тяжело. Ведь не все же способны чувствовать ту магию сказочника, которая буквально пронизывала все его настоящие работы. Только те работы, которые были в музеях, не рисковали подделывать и продавать. Хотя нередко на арт-рынке появлялись и они, представленные как этюды больших полотен.

А спустя много лет Единственному поставили памятник в центре Баку. Это было столь же неординарное событие, как и его похороны. Ведь он же не был признан властью народным поэтом. Но и не всем же даже народным ставят памятники. А Единственному поставили. Какой-то мало кому известный, но безусловно яркий и харизматичный скульптор вылепил памятник в виде огромной головы. При этом он как бы вскрыл черепную коробку поэта и выставил на всеобщее обозрение все те сюжеты, что до тех пор были лишь достоянием мира поэзии. Вместо мозговых извилин взору всех тех, кто приходил посмотреть на этот замечательный памятник, открывалось множество людей, которые нашли своё воплощение в том переплетении поэтических строк, на создание которого у Единственного ушла вся его жизнь. Если бы сказочник увидел этот памятник, то он ему бы очень понравился. Обязательно бы понравился. Ведь это был просто сказочный памятник.